

Е. А. Боровская

К истории одного портрета. Искусствовед Р. Б. Канский

В статье рассматривается творческая судьба ленинградского искусствоведа Ростислава Борисовича Канского (1906–1948), анализируются его публикации, а также многие работы, которые так и не вышли в свет. Изучение и анализ рукописей Р. Б. Канского, сохранившихся в архиве семьи, позволяет сделать вывод о его незаурядном даровании, полноценной реализации которого помешали трагические жизненные обстоятельства – годы репрессий и ранняя смерть. Сфера интересов исследователя включала проблематику истории, психологии и социологии искусства, вопросы музейно-экспозиционной и выставочной работы, участие в этнографических экспедициях и археологических раскопках. В данной статье отмечается широкий диапазон творческих интересов Р. Б. Канского, рассматривается его работа в Ленинграде и Средней Азии. В научный оборот вводятся ранее недоступные архивные материалы, относящиеся к 1920-м – 1940-м гг.

Ключевые слова: Р. Б. Канский; Е. С. Аладжалова; искусствознание; археология; искусство Средней Азии

Elena Borovskaya

On the History of a Portrait. Art Historian Rostislav Kansky

The article examines the creative fate of the Leningrad art historian Rostislav Kansky (1906–1948), analyzes his publications, as well as many works that have never been published. The study and analysis of R. Kansky's manuscripts, preserved in the family archive, allows us to draw a conclusion about his outstanding talent, the full realization of which was prevented by tragic life circumstances – years of repression and early death. The researcher's interests included the problems of history, psychology and sociology of art, issues of museum and exhibition work, participation in ethnographic expeditions and

archaeological excavations. This article notes a wide range of R. Kansky's creative interests, his work in Leningrad and in Central Asia. Previously inaccessible archival materials dating back to the 1920s – 1940s are being introduced into scientific circulation.

Keywords: Rostislav Kansky; Elena Aladzhlova; art history; archaeology; art of Central Asia

История отечественного искусствознания, в особенности советского периода, в последние десятилетия привлекает внимание многих исследователей. Вместе с тем, что совершенно понятно, в данном разделе искусствоведения остается немало неизученного, или недостаточно изученного, или вовсе неведомого – прежде всего речь идет о большом числе персоналий искусствоведов, художественных критиков, теоретиков и практиков музейного дела, внесших определенный вклад в развитие культуры, чью деятельность не вполне справедливо расценить лишь как субстрат, на котором возрастали более, скажем так, успешные... Никким образом не умаляя чьих-либо достижений (достижений часто замечательных, даже выдающихся), не станем забывать, что творческие и человеческие судьбы многих представителей советской интеллигенции складывались не всегда благополучно, а подчас драматично. «Хотелось бы всех поименно назвать...» – эта строка Анны Ахматовой, конечно же, не может стать выполнимой программой, тем ценнее возможность вернуть отечественной художественной культуре хотя бы некоторые имена ее тружеников и сотворцов.

Наверное, у каждого историка искусств бывают неожиданные открытия – открытия имен, неизвестных коллекций, невиданных прежде работ художника, прикосновение к архивным записям автобиографического или научного характера. Так произошло и со мной, когда я оказалась в теплом и гостеприимном доме лингвиста и педагога Юрия Ростиславовича Канского, куда меня привело желание посмотреть сохранившиеся живописные работы Елены Сергеевны Аладжаловой (1904–1984), его матери, ленинградской художницы, учившейся в конце 1920-х гг. в Ленинградском высшем художественно-техническом институте (ныне – Санкт-Петербургская академия художеств) у К. С. Петрова-Водкина. Среди висящих на

стене работ художницы внимание привлёк портрет ее мужа, искусствоведа и археолога Ростислава Борисовича Канского, написанный в середине 1930-х гг. (ил. 1). Живописная поверхность картины, безусловно, требует вмешательства реставраторов, красочный слой местами утрачен, однако это вполне реально восполнить. Точной датировки портрета на обороте холста не обозначено, но, по свидетельству сына, он был написан с натуры в период с 1931 по 1936 г. (далее супруги проживали раздельно). Интерес к живописным качествам этого произведения, его образному решению заставил меня погрузиться в расспросы о личности изображенного на портрете, причем не только в подробности реальной творческой биографии Канского, но и в материалы его личного архива [1], по которым можно восстановить многие события давних уже лет, прикоснуться через непростую судьбу одного человека к перипетиям сложного периода становления ленинградской, а шире – советской школы искусствознания второй половины 1920-х – 1930-х гг.

Ростислав Борисович Канский родился 25 марта 1906 г. в Виннице в семье дворянина (до революции – мирового судьи, позже служащего). После переезда семьи в Киев учился в средней трудовой школе (бывшая гимназия), которую и окончил в 1921 г. С 1923 г. учился на искусствоведческом отделении Киевского археологического института (Высшие Киевские археологические курсы), который не окончил в связи с расформированием этого учебного заведения. Кроме занятий по общеинститутской программе он углубленно работал над вопросами теории и психологии искусства, изучал художественные памятники первобытного и народного искусства. После прекращения занятий в Институте Канский не оставил изучение истории и теории искусства, но одновременно окончил в Харькове книговедческие курсы и более года проработал в Полтаве, где заведовал книжным отделом Полтавского райпотребсоюза [2].

Осенью 1926 г. Ростислав Канский переезжает в Ленинград и приступает к сдаче экзаменов на звание научного сотрудника 2-й категории при отделе изобразительного искусства Государственного института истории искусств (ГИИИ) [3, л. 33об.]. Уже в первый год

работы в ГИИИ Канский сдает основные экзамены в аспирантуру и подготавливает большую работу на тему «Рефлексология искусства», выступив с докладом на семинаре по теории искусства профессора Ф. И. Шмита. Также он состоит в семинаре по марксистскому искусству под руководством Я. А. Назаренко, где работает над темой «Психология художественной пропаганды и агитации». Разные аспекты этой темы становятся для Канского «центром притяжения»: он работает в должности заведующего кабинетом и административно-информационным бюро секции по изучению художественной агитации и пропаганды (ХАП) Комитета социологического изучения искусства, ведет библиографическую работу по составлению картотеки по искусству Октябрьской революции, подготавливает статью «Художественная агитация и пропаганда в борьбе за Петроград в 1919 году». Основными целями секции ХАП было изучение материалов, касающихся «революционного искусства Октября», а также современной художественной жизни и «практики массовых празднеств Красного Календаря» [4, с. 9].

В 1931 г. выходит совместный труд сотрудников ГИИИ «Опыт организации массового празднества» [10] (ил. 2). Институт уже реформирован, переименован в ЛОГАИС – Ленинградское отделение Государственной академии искусств, но темы и задачи исследований остались прежними. Руководил «бригадой» авторов А. С. Гущин, впоследствии известный историк искусства, доктор искусствоведения, один из организаторов факультета теории и истории искусств (ФТИИ, 1937) в Ленинградской академии художеств и его первый декан [8, с. 26–37]. Следует отметить, что Ростислава Канского и Александра Гущина связывали теплые дружеские отношения – они были почти ровесники, одновременно учились в Киевском археологическом институте, Канский вслед за Гущиным уехал в Ленинград и поступил в ГИИИ в качестве научного сотрудника и в аспирантуру. В архиве Канского бережно сохранены странички тезисов диссертации А. Гущина «Древнерусский звериный стиль», которую он защитил в 1928 г., с теплой надписью «Дорогому Славику от автора». Думается, доброжелательность, участие, а возможно, и покровительство

старшего товарища во многом облегчили Ростиславу Канскому первые годы учебы и работы в Ленинграде.

Уже отмеченная книга «Опыт организации массового празднества» представляет собой довольно любопытный образец и странную смесь революционного энтузиазма, желания новизны, понимания политической ситуации и задач «текущего момента», искреннего стремления внести свой вклад в дело «коммунистического воспитания масс» и, несомненно, заслуживает внимания и краткого анализа. Оставив в стороне главы, посвященные проблемам организации массовых гуляний и театрально-музыкально-зрелищного сопровождения этих мероприятий, можно предположить, исходя из специализации членов авторского коллектива, что текст, касающийся праздничного художественного оформления города и демонстраций («изо-оформления», как тогда это называли), принадлежит именно Р. Канскому. В небольшом авторском введении отмечается, что практика организации художественного оформления массовых празднеств нуждается в теоретическом осмыслении и разработке современных и «политически верных» концепций, а также планомерной научной деятельности по изучению значимости профессионального изобразительного искусства. И это, на наш взгляд, один из важнейших выводов по результатам анализа ленинградского опыта праздничного «изо-оформления» города и майской демонстрации 1931 г., который был рекомендован к использованию в других городах.

Повышение и актуализация роли и «удельного веса» профессионального искусства в художественном оформлении празднеств должно, как следует из текста, осуществляться не в ущерб самодеятельному творчеству масс, но и от излишнего традиционализма авторы предостерегают, отмечая, что не следует прибегать к старым оформительским трафаретам. Несмотря на ярко выраженную политизацию текста – цитирование Сталина на первой же странице и явное желание (возможно, вполне искреннее) быть на передовых позициях актуальных политических веяний, книга, кроме не лишней историко-культурного интереса попытки структурированного научного анализа темы, ценна иллюстративным материалом,

который реально отражает ситуацию и визуально подтверждает позицию авторов, изложенную в тексте и направленную на «решительную борьбу за художественное качество изо-оформления» Ленинграда второго десятилетия советской власти [10] (*ил. 3*).

Однако диапазон творческих интересов Р. Б. Канского в конце 1920-х – середине 1930-х гг. не ограничивался лишь работами в области социологии искусства и «художественной агитации и пропаганды». Тематика его искусствоведческих работ в ГИИИ (ЛОГАИС) очень разнообразна – сохранились рукописи и тексты докладов по психологии и рефлексологии искусства, статьи по искусству Средней Азии, архитектурные паспорта-описания памятников зодчества Петербурга – Ленинграда, составленные на основе искусствоведческих и историко-архивных изысканий, экспозиционно-выставочная работа и многое другое (*ил. 4*). В 1928–1929 гг. Ростислав Канский неоднократно участвовал в экспедициях исследовательского и этнографического характера в Поволжье, на Кавказ, в Среднюю Азию (*ил. 5*). В одной из таких экспедиций он и встретил художницу Елену Сергеевну Аладжалову, которая вскоре стала его женой.

Увлечение темой искусства и археологии Древнего Востока, заложенное еще в годы учебы в Киевском археологическом институте, нашло свое воплощение в целом ряде статей: «Позднеантичное искусство Китайского Туркестана», «Искусство Дальнего Востока», «Китайское искусство», «Индийское искусство», статьи и материалы для «Справочника по изобразительным искусствам», который намеревалось выпустить в свет издательство «Искусство». Часть этих материалов была опубликована, но многое так и осталось в рукописях, в силу разных причин не было издано. Возможно, в дальнейшем в архивах издательства удастся обнаружить некоторые из этих творческих работ Р. Б. Канского. Пока что упомянем статьи о китайском и индийском искусстве, подготовленные им для «Советского энциклопедического словаря», одного из первых советских энциклопедических справочников универсального плана. В Российской национальной библиотеке (РНБ) упоминаний об этих статьях найти не удалось, так как в свет вышел только первый

том (Т. 1: А–Ж) в 1931 г. В библиографическом отделе РНБ дополнительно сообщили: «По сведениям торговых антикварных площадок, тираж был уничтожен из-за конкуренции с московским издательством и из-за того, что в данном издании была мало освещена роль Сталина. В изданиях словаря более позднего периода 1980–90-е годы нужна Вам информация [о Р. Канском] отсутствует».

Из-за проблем со здоровьем (прогрессирующая глухота) после 1932 г. Р. Канский часто не имел постоянного места службы, работал по договорам, но продолжал активную искусствоведческую и исследовательскую деятельность. Так, например, в течение года (1934–1935) по приглашению Комитета науки УзССР он работал в Ташкенте в составе коллектива специалистов, занимаясь научной и экспозиционно-выставочной деятельностью, связанной с реструктуризацией и переориентацией Музея искусств (с 1929 по 1935 г. музей для этого был закрыт) [7, с. 13]. Изменения в деятельности музея происходили согласно новой концепции «о необходимости сохранения цельности социальной и исторической картины мира», высказанной профессором О. Ф. Вальдгауэром в программной статье музейной секции Комитета социологического изучения искусства ГИИИ [9, с. 5].

Одной из главных искусствоведческих работ Р. Б. Канского этого периода был перевод и развернутые комментарии к основательному труду английского востоковеда и синоведа А. Уэйли¹ «Введение в изучение китайской живописи» (Arthur Waley «An Introduction into the Study of Chinese Painting»), изданному в Лондоне в 1923 г. Рукописные материалы из архива Канского достаточно подробно раскрывают план предлагаемого издания, поданный на имя заведующего секцией изобразительного искусства А. С. Гущина. В заявке, написанной Канским от руки (но подписанной Канским и К. И. Разумовским²), убедительно обоснована актуальность и необходимость появления на русском языке капитальных трудов по истории зарубежного искусства, в том числе, как в те годы обозначалось, «Восточно-Азиатских стран». Авторы заявки, включавшей аннотированный перевод

оглавления книги, предполагали не просто подготовить к изданию русский текст (Канский, заметим кстати, владел несколькими европейскими языками), но и предварить его вступительной статьей академика В. М. Алексеева, известного филолога-китаиста, дополнить комментариями других советских ученых-востоковедов, что, по мнению переводчиков, должно преодолеть «буржуазную ограниченность» взглядов А. Уэйли. Намечалось также добавить к изданию переведенные с китайского языка первоисточники и оригинальные тексты, имеющие первостепенное значение для понимания китайского искусства. Планам по переводу и изданию книги не суждено было сбыться. Предполагалось, что, в случае заключения издательского договора в 1936 г., на перевод и подготовку издания понадобится около года и к концу 1937 г. книга может увидеть свет, но этого не произошло. По каким причинам – трудно судить, но можно сделать догадку, что из-за политической ситуации (Восток в целом представлялся в те годы враждебным). Вероятны и причины частного характера.

В анкетных данных, с которыми можно ознакомиться в копии личного дела Р. Б. Канского (копия из архива ГИИИ), относящегося к 1932 г. [2], все сведения достаточно лаконичны: «не состоял», «не был», «не участвовал», «не привлекался». Но уже появляется графа «Проходил ли чистку госаппарата – где, когда, результаты». Ответ вроде не должен настораживать – «чистка» пройдена в ГИИИ в мае–июне 1930 г. Но к середине 1930-х репрессии и «чистки», в особенности в Ленинграде, усиливаются: достаточно вспомнить судьбу директора ГИИИ Ф. И. Шмита, замечательного историка и теоретика искусства, музееведа и археолога, который был арестован в 1935 г. по прословутой 58-й статье, сначала выслан, а в 1937 г. расстрелян.

Не избежал суровой участи и Р. Б. Канский – в 1938 г. его арестовали по ложному доносу, обвинили в шпионаже, используя в качестве предлога наличие у него пишущей машинки, присланной в подарок родственниками из Латвии. Были предъявлены обвинения в шпионаже и «контрреволюционной деятельности», все та же «расстрельная» 58-я статья. Но идет 1938 г.: в порядке «преодоления

ежовщины», в связи с отказом обвиняемого от насильно полученных показаний – удивительно «мягкий» приговор – 8 лет лагерей! А далее – пересыльный лагерь под Владивостоком, Колыма, этапы, «...вся Сибирь в бараках и лагерях» (написал он в записке родным, когда представилась такая возможность) [6, с. 141]. В его письмах удивляет необычайная стойкость, жизнелюбие и стремление, несмотря ни на что, вернуться к своему призванию, своей профессии.

В 1943 г., после нескольких лет лагерей, Канский был освобожден («сактирован» по болезни – туберкулез) с запретом проживания в крупных городах (*ил. б*). Насколько сам освобожденный мог выбирать место своего пребывания, сложно судить, но Канский оказался в Узбекистане. Поначалу прибыл в Янгиюль, расположенный неподалеку от Ташкента, трудился на строительстве завода, бухгалтером в совхозе, но недолго. Но более продолжительной была работа в янгиюльском музее, где Канский выполнил описание археологических коллекций музея, одновременно продолжая писать диссертацию. В Узбекистане в эвакуации находилось много коллег, в том числе и из Ленинграда, и его пригласили читать лекции в Среднеазиатском госуниверситете (САГУ) – курс древнерусского искусства. Но преподавать ему запрещают, он перебирается в Самарканд, где вступает в Союз художников Узбекистана (членский билет № 181) и активно участвует в работе его местного отделения. В 1944 г. переезжает в Бухару – напомним, что с Узбекистаном Канского связывало участие в 1930-х гг. в археологических экспедициях, сотрудничество с Ташкентским музеем искусств и работа в нем. В 1945 г. Ростислав Борисович Канский получил предложение занять должность заместителя директора Бухарского историко-краеведческого музея, на что, разумеется, ответил согласием и с энтузиазмом взялся за работу. Назначение удивительное для того времени, но тому есть объяснение: постановление СНК УзССР от 27 октября 1945 г. «Об улучшении работы музеев», указывавшее, в частности, на необходимость кадрового обеспечения музейной деятельности, что позволяло пренебречь политической неблагонадежностью столь ценного и хорошо известного в республике специалиста.

Периоду работы Канского в Бухаре посвящен значительный массив записей и документов его архива, и он ждет еще своего подробного исследования. Активность Ростислава Канского на посту заместителя директора музея по науке не может не удивлять: инвентаризация, упорядочение и пополнение фондов, подготовка постоянной экспозиции и выставок, экспедиции, разработка программы научных исследований коллектива музея, собственная научная работа, организация сотрудничества с музеями Узбекистана и России. Всё это было осуществлено в течение всего лишь трех лет, отмеренных судьбой! Недавно в рамках воссоздания истории становления Бухарского государственного музея-заповедника научная деятельность Р. Б. Канского стала предметом доклада узбекского исследователя, заведующего отделом искусства и этнографии Бухарского государственного музея-заповедника Ш. Г. Джураева «Канский Ростислав Борисович – легендарный сотрудник Бухарского музея» [5].

Не может не радовать, что в Узбекистане хранят благодарную память о «легендарном сотруднике Бухарского музея». Однако работа Канского в Бухаре – это интересный, существенный, но всё же сравнительно небольшой временной отрезок его творческой биографии. Пока можно вести речь лишь о начале изучения искусствоведческого наследия Р. Б. Канского, чему и посвящена данная статья. К счастью, сохранился его обширный архив, вероятно, удастся обнаружить и иные материалы, что открывает перспективу более полного и детального исследования, которое, как представляется, может принести значительные, ценные результаты.

Данная статья не могла бы появиться без деятельного участия Ю. Р. Канского и знакомства с бережно сохранными им материалами архива его отца, а также без содействия и участия Н. В. Шварц. Автор приносит им глубокую благодарность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Артур Дэвид Уэйли – один из крупнейших европейских ориенталистов. «Введение в изучение китайской живописи» переиздавалось и во второй половине XX в., а его переводы классической китайской

и японской литературы считаются одними из лучших для англоязычного читателя.

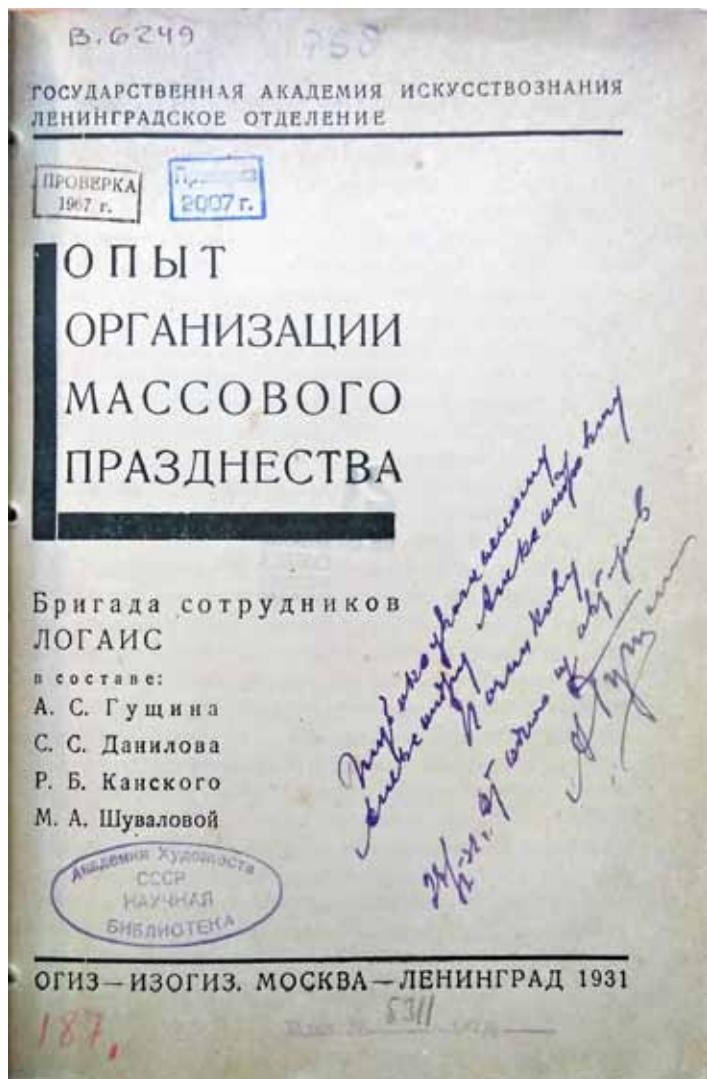
² **К. И. Разумовский** (1905–1942) – лингвист, искусствовед, преподавал китайский язык, работал в Институте востоковедения АН СССР старшим научным сотрудником китайского кабинета. Вел курс истории китайского искусства в ЛГУ, на искусствоведческом факультете Института живописи, скульптуры и архитектуры ВАХ, а также в Ленинградском восточном институте.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. Личный архив Р. Б. Канского. 20 папок. Собственность семьи Канских. Доступ: 10.11.2023.
2. Личное дело Р. Б. Канского (копия из архива ГИИИ). Собственность семьи Канских.
3. ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства) СПб. Ф. 82. Оп. 3. Д. 30. Протоколы заседания правления института и материалы к ним.
4. Государственный институт истории искусств. 1912–1927. Л. : [Academia], 1927.
5. *Джураев Ш. Г.* Канский Ростислав Борисович – легендарный сотрудник Бухарского музея : докл. / Науч.-практич. конф. «Личность и наука в пространстве музея: образ, память, факт», Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 11.11.2022 г.
6. *Канский Ю. Р.* Возвращение к истокам : [автобиографическое исследование]. СПб. : [б. и.], 2012.
7. *Круковская С. М.* В мире сокровищ : Из собрания Гос. музея искусств УзССР. [Ташкент] : [Гослитиздат УзССР], [1964]. 212 с.
8. К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И. Е. Репина. 75 лет. СПб. : Ин-т им. И. Е. Репина, 2012. 231 с.
9. *Миронов А. М.* Художественный музей в Ташкенте / Проф. А. М. Миронов. Ташкент : [б. и.], 1929. 25 с.
10. Опыт организации массового празднества : Бригада сотрудников ЛОГАИС в составе: А. С. Гущина, С. С. Данилова, Р. Б. Канского, М. А. Шуваловой / Гос. акад. искусствознания. Ленингр. отд-ние. М. ; Л. : Огиз – Изогиз, 1931. 142 с.

1. Е. С. Аладжалова. Портрет искусствоведа
Р. Б. Канского. Без даты. 100×60. Холст, масло.
Публикуется впервые

2. Титульный лист книги «Опыт организации массового праздника» с автографом А. С. Гущина.

Научная библиотека Российской академии художеств

3. Изо-оформление павильона на площади Восстания.
Иллюстрация № 11 в книге «Опыт организации массового
празднества», 1931 [10]

4. Р. Б. Канский. Солоницы настольные.

Рисунок по результатам этнографической экспедиции.

Бумага, карандаш. 11×8. Архив семьи Канских

5. В командировке в Узбекистане. Канский – второй слева.
Фотография конца 1920-х гг. Архив семьи Канских

6. Р. Б. Канский. Автопортрет после лагерей. 1943.
Бумага, карандаш. 15×10. Архив семьи Канских